

1. Расхождения филологии с историей, болезненно осознаваемого наукой последних двух столетий, во времена Аристотеля, по-видимому, не существовало. Спорят о том, была ли тогда филология: обычно ее ведут от александрийцев. Слова, обозначающие профессию филолога, в словаре той эпохи не зарегистрированы. С другой стороны, Фукидид и, например, Метродор из Лампсака, занимавшийся истолкованием гомеровских текстов, воспринимались как представители различных областей знания. Историографию Аристотель отличает от литературы в известном пассаже гл. 9 «Поэтики», причем представителем первой избран Геродот, который гораздо 'литературнее' Фукидида. Философское и научное творчество Аристотеля приходится на тот момент духовной истории, когда философия пытается осмыслить свое отличие от науки, обособленность же наук становится непреодолимой даже для гениального ума. Вероятно, Аристотелем и его современниками осознавалась способность исторического и филологического анализа объединяться в исследовании одного и того же предмета.

2. Аристотеля одинаково занимает история литературы, языка, реалий и событий. В его антикварных штудиях не заметно каких-либо предпочтений: коллекционируется все, чего требует задача исследования. Обычно помогали ученики. Собрать коллекцию государственных устройств было не проще, чем материал для «Истории животных». Собирательство имело характер подготовительной работы, однако в некоторых сферах знания обобщающего труда так и не состоялось. Например, интерес к преобразованиям языка не только у поэтов, но и в обыденном словесном творчестве выразился в коллекционировании пословиц. Каталоги включают *Παροιμίαι*; помощь учеников здесь засвидетельствована одноименным сочинением Клеарха. Книги по лингвистике Стагирит, однако, не оставил; тем большую ценность приобретают четыре главы о *λέξις* в «Поэтике». Сочинение *Περὶ θαυμασίων ἁκουσμάτων*, сохранившееся в составе Аристотелева Корпуса, приписывают школе; параллель с «Поэтикой» указывает, что когда темой поиска становилась литература, оказывались нужны не только «Дидаскалии», но и «Слухи об удивительных событиях».

3. Собрать дидаскалии, очевидным образом, было проще, чем пословицы: записи хранились у архонта, достаточно было свести их вместе и упорядочить. В Афинах тогда возводился каменный театр, в котором кроме нового репертуара думали представлять и творения драматургов прошлого. Время для историко-литературных поисков было более чем благоприятным, и государственный архив для философа, конечно, охотно открыли. Ликург позаботился об изготовлении для актеров обновленного театра канонического текста трех великих трагиков. Это знаменитое издание позаимствовал у афинян Птолемей III. Об участии Аристотеля в работе над текстом нет прямых свидетельств. Вместе с тем, *ὑποθήσεις* византийских рукописей, по общему мнению, восходят к созданным Аристотелем спискам. Резонно предположить, что тексты трагедий, оказавшиеся доступными александрийским филологам, были снабжены аннотациями, взятыми из «Дидаскалий» и «Дионисийских побед»: так составленные Аристотелем списки получают самостоятельное значение. По-иному сказанная деятельность отражена хрестоматийно известными сообщениями в «Поэтике» о введении Эсхилом второго актера, а Софоклом – третьего и декораций, как и о том, что ранняя история комедии неизвестна, поскольку «архонт поздно дал ей хор».

4. «Пифийские победы», составленные по заданию Дельфов, имели полемическую направленность. В каталоге Гезихия сообщается, что Аристотель «одержал в этом сочинении

победу над Менехмом Сикионским». Свидетельства позволяют составить определенное представление об историко-литературных работах Менехма. Патриот своего города, он доказывал первенство Сикиона в ряде жанров; очевидно, он утверждал, что мусические состязания впервые устроили у него на родине. Судя по сообщению Геродота (5, 67), для этого имелись основания. Менехм мог использовать местную хронику; он оперировал и этимологиями, производя, например, ῥαψῳδοί от ῥάβδος в редком значении «стих». В конце третьей главы «Поэтики» Аристотель рассуждает о происхождении драмы и среди прочего приводит этимологии, на которых основываются «некоторые Пелопонесцы», претендующие на то, что трагедия и комедия впервые появились у них. Они производят κῶμῳδοί от скитания изгнанников κατὰ κῶμας. Экзотическая этимология слова с -ῳδός позволяет вычитать здесь намек на Менехма, в спор с которым автор намеренно не вступает.

5. Легенда об «Илиаде» «из пенала» (ἐκ τοῦ νότου), которую Александр, якобы, перечитывал и даже комментировал, отчасти правдива: не возникает сомнений, что Аристотель обсуждал со своим учеником гомеровский текст. Из этих занятий не возникла διόρθωσις: если бы издание существовало, александрийцы несомненно добрались бы до него, и ссылки обнаружались бы в схолиях. Но появилась еще одно заказное собрание – «Гомеровских затруднений», включавших полные шесть книг. Вклад Аристотеля в филологию не приходится выискивать: толкованию спорных мест, то есть филологической strictissimo sensu проблематике, почти целиком посвящена предпоследняя, самая пространная, глава «Поэтики». По всей видимости, эти разделы перенесены из Ἀπορίων Ὀμηρικῶν. Оппонентом Аристотеля в этом случае мог быть Зоил, чьи наивно-сатирические трактовки оживляли тогдашнее гомероведение, союзником же становится Главкон Теосский. Со ссылкой на Главкона автор «Поэтики» формулирует прописную истину филологической науки: попытки понимания должны предшествовать критике, иначе критика будет отнесена на счет того, кто ее высказывает.

6. Следя за мыслью Аристотеля, наблюдаем, таким образом, вполне свободное и естественное, заданное самим объектом поиска, объединение двух типов аргументации. Когда анализа требует исторический факт, такой, например, как возникновение и ранняя история драмы, то на первом месте антропологические и исторические причины. Если разбирается поэзия, первенствуют аргументы ἀπὸ τῆς λέξεως. Что, впрочем, совершенно не исключает других («драма – от δρῶντες», «так было у иллирийцев» и т.п.) История и филология в «Поэтике» даже не «сосуществуют», но выступают как целое.